Обряды, связанные с рождением ребенка

В семейно-бытовой обрядности татар особое место занимали обряды, связанные с рождением ребенка. Они рассматривались как необходимые для обеспечения защиты роженицы и ребенка от воздействия злых сил, предопределения судьбы новорожденного. Это был акт приобщения ребенка к семейному и отчасти к более широкому коллективу. Кроме того, данные обряды выражали чувства радости и надежды в связи с появлением нового члена семьи.

Татары считали, что женщина должна рожать и тем самым способствовать увеличению семьи и населения аула в целом. Молодая бесплодная женщина становилась объектом пересудов, сплетен окружающих. Таких женщин называли «корык» (пустоцвет). В отсутствии детей виновной всегда считалась женщина. Многодетные семьи встречали одобрение общества.

Рождение ребенка рассматривалось как важное событие. Особенно большую радость родителям доставляло рождение сына, хорошим предзнаменованием считалось и рождение близнецов[1].

Беременную женщину окружали в известной мере заботой. Так, на пятом-шестом месяце беременности ей поручали сравнительно легкую работу, на ночь ее не оставляли одну в пустой избе, так как, согласно существовавшим поверьям, злые духи могли подменить или умертвить ребенка даже в утробе матери. Поэтому в отсутствие мужа и других членов семьи к ней на ночь приглашали старуху-соседку.

Цикл обрядов, связанных с рождением ребенка, как правило, включал следующие элементы: принятие родов, праздник по случаю рождения (бәби туе), имянаречение, первая стрижка волос, праздник первого зуба, обрезание, обряды от сглаза.

Как отмечают источники, повсеместно роды принимали бабки-повитухи[2]. Роды происходили дома на нарах. Повивальная бабка или опытная пожилая женщина перерезала пуповину ребенка, положив ее на серебряную монету. Этот обычай, по представлению татар, обеспечивал новорожденному крепкое, как металл, здоровье и богатство. Пуповину вместе с последом заворачивали в чистую тряпку и закапывали в землю, выбрав для этого чистое место во дворе. В некоторых местах у татар существовал обычай сохранять пуповину новорожденного: ее заворачивали в тряпку или кожу и хранили в щели между матицей и досками потолка. По поверьям, эта пуповина оберегала жизнь и здоровье ребенка. Новорожденного повитуха купала и заворачивала в рубашку отца. Это делалось с пожеланием, чтобы ребенок был близким отцу, любимым им. После первого купания повитуха смазывала ротик ребенка сливочным маслом, чаще, завернув масло в марлю, давала пососать. В отдельных селах татар-кряшен ребенку давали пососать завернутый в тряпочку разжеванный с маслом хлеб. В деревнях Заказанья самая близкая родственница или мать роженицы приносила «әлбә» — лакомство из поджаренной в кипящем масле муки с добавлением растворенного меда или сахара.

Сразу же после родов, в тот же день или на следующий, обязательно топили баню, которая называлась баней новорожденного — «бәби мунчасы». В одних селах в баню приглашали родственниц, соседок, готовили для них чай. В других — в бане мылись своей семьей. И когда она становилась не жаркой, бабка-повитуха помогала помыться роженице и искупать младенца, за что получала особый подарок.

Самой главной, почетной гостьей в этот день была мать роженицы. Для первенца она приносила детское приданое, состоящее из одеяла, подушки, пеленок, и угощение. Если ребенок был не первым, то приданого могло и не быть. В некоторых селениях мать роженицы приносила и зыбку. Чаще же зыбку готовила свекровь или отец ребенка.

В первые дни после родов женщину навещали соседки, родственницы. Они приносили с собой угощение. Обычай этот назывался — «бәби ашы кертү». Угощение могло состоять из печеных изделий, а также яиц, масла и т. д. Считалось, что чем больше женщин придет с угощением, тем больше молока будет у матери.

В течение первых сорока дней жизни ребенка купали каждый день, чередуя теплую мыльную воду со слегка подсоленной. Необходимая температура воды определялась локтем или тыльной стороной руки купающего. От сорока дней до одного года ребенка купали один раз в два-три дня. В течение недели, начиная с первого дня рождения ребенка, топили баню, где бабка-повитуха мыла роженицу.

В первые 3-4 месяца жизни ребенка пеленали. Считалось, что пеленание сохраняет тепло и предохраняет конечности ребенка от искривления. После того как ребенку исполнялось 40 дней, его клали в колыбель, а до этого времени он лежал на подушке рядом с матерью на нарах. Первую рубашку новорожденному шили из старого, так как придерживались поверья, что в таком случае ребенок одежду будет носить бережно, не снашивая. Рубашку надевали лишь в первые дни. Дольше нельзя было, иначе новорожденный мог быть плаксивым, болезненным. Затем рубашку стирали, гладили и сохраняли для следующего ребенка, «чтоб дети были дружными меж собой»[3]. Детям до шестимесячного возраста, независимо от пола, надевали распашонку. С 1-2-летнего возраста одежда мальчиков и девочек начинала различаться.

Если в некоторых семьях дети умирали, то после рождения следующего ребенка, с целью «охранения» его, совершали обряд «продажи» новорожденного: бабка-повитуха выносила завернутого ребенка на улицу, клала его на кучу мусора, а сама возвращалась домой. Тут же поднимала его другая женщина, подходила к окну и предлагала хозяевам «купить» ребенка. После короткого торга женщина подавала ребенка в окно. Этот широко распространенный у всех народов Среднего Поволжья и Приуралья обряд, очевидно, был призван обмануть злых духов, внушить им, что ребенок принадлежит не той женщине, которую они преследуют.

У народов Средней Азии рождение ребенка также являлось самым радостным и важным семейным событием. Женщина, у которой было много детей и внуков, считалась наиболее счастливой. Особых условий для беременной женщины в прошлом не создавалось. Единственное, что ей не позволяли делать в этот период ее жизни, то это поднимать большие тяжести.

Считалось, что с момента родов матери и ребенку особенно активно угрожают злые духи. Поэтому никому не сообщали, что у женщины начинаются родовые схватки, иначе роды будут очень трудными и долгими. По этой причине иногда даже повивальную бабку звали в самый последний момент. Кроме повивальной бабки, при родах присутствовали мать роженицы и две-три близкие родственницы. Если их не было, приглашали соседку, имевшую много детей и опыт помощи роженицам. В качестве повитухи предпочитали здоровую женщину, чтобы ее свойства магическим путем передались роженице и ребенку.

Повитуха, приняв ребенка, перевязывала и перерезала пуповину, ранку присыпала золой от сожженных нитей кокона шелкопряда. Повивальной бабке за работу давали один кусок мыла, отрез ткани на платье и немного ваты.

Для облегчения родов открывали двери, замки в доме, а при тяжелых, затянувшихся родах неожиданно разбивали рядом с роженицей чайник, надеясь, что, испугавшись, она быстрее родит. Чтобы отогнать злых духов, под подушку женщине клали такие широко известные в Средней Азии обереги, как нож, перец, лук, чеснок, тмин. Все это делалось, чтобы роженица не видела плохие сны, чтобы к ней не приходили злые духи, чтобы был покой. Существовали и другие способы защиты и помощи роженице. Например, если женщина тяжело рожала, у муллы брали написанную на листочке бумаги молитву, заворачивали ее в тряпочку и привязывали к ноге роженицы. Для облегчения родов роженице спускали на грудь ее полностью расплетенные косы или расплетали лишь концы спущенных на грудь кос.

После рождения ребенка повивальная бабка купала его в тазу в подогретой воде. В воду добавляли соль, глину со стен, монеты, скорлупу от яиц, чтобы уберечь новорожденного от болячек. Повитуха, искупав ребенка, вынимала монеты и брала их себе. В одних районах ребенка купали сразу после рождения, в других делали это спустя семь дней. После мытья мулла читал отрывок из Корана, и на этом обряд первого купания заканчивался. Новорожденного завертывали в тряпки, оставшиеся от старых рубах, халатов, или в стеганую рубаху или халат старого человека, что должно было способствовать долголетию ребенка.

Радостную весть о рождении ребенка родным и знакомым передавали чаще всего подростки в возрасте от 10 до 15 лет. У узбеков Северного Хорезма о рождении ребенка (особенно сына) сообщала повитуха сначала деду, а затем уже отцу.

Прежде чем мать прикладывала ребенка к груди, ему давали в рот кусочек сливочного масла. В первый день после рождения ребенка устраивали угощение, на которое гости приносили подарки в виде яичницы или сырых, а иногда и вареных яиц, конфет, сахара, а в некоторых местах и деньги. Основным блюдом на этом празднике была яичница с жареным мясом.

В период сорокадневки после родов, по существовавшим поверьям, наиболее опасными из-за злых духов считались пятая, седьмая и девятая ночи: особенно опасной была пятая ночь. В эту ночь вокруг роженицы с ребенком собиралось много народа, приходили родственницы. В этот вечер обычно ели плов или рисовую кашу.

На 5-7-й день после рождения, когда у ребенка отпадала пуповина, его купали во второй раз, впервые надевали на него одежду и устраивали праздник — «бишек-туй» — «колыбельная свадьба», на котором ребенка укладывали в колыбель. Приглашенный еще до «бишек-туя» мулла произносил на ухо ребенку призыв на молитву — азан и называл его имя. Ребенка на «бишек-туй» в колыбель укладывала многодетная женщина или повивальная бабка. При этом она приговаривала: «Ничего не бойся, расти здоровым, будь храбрым, живи долго».

Когда ребенок был уже привязан к колыбели, над покрывалом, закрывающим ее, сыпали сушеные фрукты, сахар, конфеты, произнося при этом: «Бисмилла»*. Сладости подбирали и съедали присутствующие женщины в надежде, что это поможет им тоже родить ребенка. Гостям ребенка не показывали. Утром перед «туем» готовили очень длинную лапшу, днем ее раздавали гостям. Большая длина лапши должна была магически способствовать долголетию ребенка. В Самарканде существовал и такой обычай: у ворота рубахи ребенка оставляли длинную, почти до земли нитку, что тоже призвано было обеспечить его долголетие.

После окончания сорокадневья мать с ребенком шла к ближайшим соседям и родственникам, которые давали ей различные сладости. В дом родившей женщины приходили гости, чтобы поздравить ее и посмотреть на ребенка. Гости в виде вознаграждения давали деньги[4].

У татар довольно стойко бытовала вера в то, что первые сорок дней жизни младенца особенно опасны, и потому ребенка нельзя оставлять одного, чтобы не навлечь беду. Это же было характерно и для узбеков, казахов, туркмен

* Бисмилла — в переводе с арабского «именем Аллаха» (см.: Татарский энциклопедический словарь. – Казань, 1999. – С. 79).

и некоторых других тюркоязычных народов.

Ребенка тщательно берегли от сглаза, поэтому не носили туда, где людно, не показывали его. Кроме того, применяли «предохранительные меры»: зыбку вешали на рябиновую жердь. Веточку рябины, черемухи привязывали к зыбке, пришивали к шапочке ребенка, им приписывалось свойство оберега от сглаза. С этой же целью к шапочке пришивали ракушку, яркую пуговицу[5].

Многочисленные поверья магического характера присутствовали и в обычаях башкир. Главная их цель — обеспечить безопасность и сохранить здоровье новорожденного.

Чтобы обезопасить беременную от воздействия злых духов, на ее одежду пришивали различные амулеты-обереги, а для облегчения родов постукивали ее пустым кожаным сосудом или трясли над ней пустым мешком.

В прошлом, когда детская смертность была высока и особенно много детей умирало в раннем детстве, смерть ребенка чаще всего объяснялась действием злых сил. Именно поэтому многие магические обряды были направлены на сохранение жизни ребенка, его здоровья путем отпугивания злых духов. С этой целью на колыбели прикреплялись различные обереги: части тела различных животных, а также плоды рябины, кольца, стрелы, камни из священных мест.

Представление о магической силе стрелы, способной отгонять злых духов, существовало у многих народов. Так же, как и другие острые колющие предметы (нож, кинжал, ножницы, положенные под подушку младенца), стрела представляла, по мнению башкир, действенное средство для охраны здоровья и благополучия детей.

После рождения ребенка принимались всевозможные меры, чтобы уберечь его от сглаза: перевязывали красными нитками запястье ребенка, красной краской или сажей мазали лоб или раздавливали на нем ягоду рябины и т. д. Магическими свойствами наделялись можжевельник, душица, березовый гриб-чага, дымом которого окуривался ребенок, если существовали подозрения в том, что его сглазили[6].

Первые дни и месяцы после появления на свет были чрезвычайно значимыми в мифоритуальной традиции многих народов. Так, шорцы в это время избегали показывать кому-либо лицо младенца. Тувинцы, защищая младенца от «дурного глаза», налагали запрет на вход в юрту посторонних людей. Особенно боялись появления в жилище человека, имеющего «плохую судьбу». Оберегая ребенка, а вместе с ним «молодое, как бы новорожденное счастье», телеуты никому не давали денег в долг, пока не отпадала пуповина. Алтайцы не давали посторонним огня из юрты в течение сорока дней после рождения наследника, а если желали ему счастья, то и в течение года.

Сорокадневный период отличался особой сакральностью у якутов. В продолжение его отец ребенка не вносил в свою юрту того платья, в котором ходил на промысел; роженице в это время не позволяли ходить в амбар. Если она курила трубку, то не должна была сама брать такую священную вещь, как огонь, если бы взяла, то у ребенка была бы золотуха, раны и сыпи.

У томских татар первые сорок дней роженица не выходила из дома и не показывала ребенка чужим. По истечении этого срока ребенка мыли «40 ложками воды», добавляя их в воду для купания. При этом читали молитву.

Традиция сорокадневья была характерна для родильной обрядности многих тюркских народов. Церемония, известная под названием «чилля» у узбеков и таджиков, «кыркынан шыкты» у казахов, «кырк кун» или «кырк» у киргизов, отмечала завершение периода наибольшей уязвимости ребенка.

На сороковой день киргизы Атбашинского района устраивали праздничное угощение, во время которого сорок специально испеченных лепешек раздавали детям. К этому сроку для ребенка шили особую рубашку. Ее собирали из сорока лоскутков. Мать выпрашивала их, обходя соседние юрты. Обязательной частью торжества было купание ребенка в сорока ложках воды. В традиционном сознании 40 дней, по всей видимости, соответствовали 40 неделям лунного цикла беременности[7].

Татары давали имя ребенку через несколько дней после рождения. Оставлять его без имени дольше считалось опасным, так как он мог заболеть. Обряд наречения имени — «исем кушу» проводился с приглашением муллы и почетных старцев-родственников, соседей. Младенца на подушке подносили к мулле, и он, читая выдержки из Корана, несколько раз громко произносил имя новорожденного и тут же делал запись в книге регистрации новорожденных. Преобладающими были имена из мусульманского именинника.

Церемонию наречения имени завершало угощение — «аш». Это было единственное застолье, на которое приглашали мужчин, да и то в основном пожилых. Более многолюдным было застолье для женщин, которое проводили иногда вслед за угощением мужчин. Женщины всегда приходили с подарком для новорожденного. Приносили отрез материи, мыло, платок и т. д.[8]

Обряд имянаречения описан в работе К. Фукса: «Через три дня, на четвертый приглашают муллу для совершения религиозного обряда, при котором мулла держит ребенка на своих руках перед собою и громко кричит ему на правое ухо азан, а потом шепчет ему в левое ухо каметь, то же, что азан, и при этом дает дитяти имя. Мулле платят за это, каждый по своему состоянию, и роскошно его угощают. На этот пир приглашаются все знакомые мужчины. В продолжение нескольких дней к родильнице приходят все знакомые женщины и каждая приносит на зубок так точно, как у русских. Сверх того, привозят для новорожденного по рубашке, богатые — шелковые, бедные — ситцевые, многие дарят и одеяльца, чаплашки, тюбетейки и колпачки. Говорят, что богатая родильница так много получает подобных подарков, что наполняет ими порядочный величины сундук»[9].

А вот как выглядит этот обряд в описании Я. Д. Коблова: «По прошествии некоторого времени — через неделю, а иногда раньше — дня через три, четыре происходит обряд наречения имени новорожденному. Отец новорожденного идет к мулле и просит его прийти на дом нарекать имя младенцу. К этому дню готовятся как к празднику. Приглашают родных и близких знакомых, главным образом тех, которые до этого времени принесли подарки родильнице и ребенку... По приходе муллы выносят ребенка и кладут на нары или на пол лицом к Мекке. Мулла спрашивает родителей, какое имя они желают дать младенцу. Родители назначают имя какого-нибудь пророка, сподвижника Мухаммеда или святого, прославившегося своими подвигами и ученостью... Религиозное торжество сопровождается обильным угощением»[10].

Обряд наречения ребенка именем у сибирских татар проходил довольно скромно. Приглашали муллу, который читал необходимую молитву, шептал на ухо ребенку: «Пусть твое имя будет...». После этого мулла записывал в метрическую книгу имя, отчество, фамилию и дату рождения ребенка. За наречение имени ребенку мулле платили определенную сумму денег. Устраивалось угощение, на котором, кроме муллы, присутствовали дед, отец и другие родственники новорожденного. Никаких увеселений при этом не было[11].

Аналогично другим группам татар происходил обряд, связанный с наречением ребенка именем, у мишарей.

В ранних документах фигурируют тюркские имена. Во второй половине XIX — начале XX в. более распространенными были мусульманские имена, связанные с именами Мухаммада и других деятелей ислама. Вытеснение древнетюркских имен мусульманскими происходило по мере усиления влияния ислама[12].

Наречение имени в традиционных культурах было, без сомнения, основной формой моделирования социального статуса. Имя, заключая в себе характеристику, образ маленького человека, словно прогнозировало его будущее. Не случайно, по объяснению томских татар, родственники, давая имя, стремились, чтобы тезкой ребенка не оказался недостойный или бедный сосед.

Получая имя, ребенок с первых дней жизни вводился в систему родственных отношений. Сутью его дальнейшего существования было постепенное приобщение к семье, обществу, родовому коллективу. Важное значение в этом процессе имели обряды, связанные с

изготовлением первой одежды младенца и первой стрижкой волос.

У телеутов эти события совпадали. Первую рубашку и «обутки» ребенку шили через полгода после рождения.

Нарядив ребенка в первую рубаху, родители прежде всего наносили визит повитухе. Ей привязывали подарок (платок) к правой руке, «золотили руки», затем устраивали угощение. Повитуха давала ребенку 15-20 копеек — «благословляла податью». Следующими посещали родителей матери новорожденного. Они дарили молодой семье скот. Только после двух этих обязательных визитов женщина могла навещать соседей. При первом ее появлении с ребенком каждая соседская семья дарила что-либо малышу. Так складывался круг социальных связей.

Особенно тесные отношения устанавливались между ребенком и его таем — дядей с материнской стороны. У всех южно-сибирских тюрков он принимал самое активное участие в воспитании детей своей сестры, в устройстве их судьбы и материального благополучия. Близкие связи племянника с таем возникали с первых дней существования ребенка. Дядя имел преимущественное право в наречении своего племянника. Он также обязательно должен был принести колыбель.

Одну из главных ролей дядя играл в ритуале первой стрижки. Этой процедуре придавалось особое значение. Волосы, с которыми ребенок появлялся на свет, ставили его в один ряд с природными существами. Их символическое удаление было обязательным условием социализации. Расставаясь с младенческими волосами, маленький человек отдалялся от иного, дикого мира. Тувинцы хранили эти волосы долгие годы. Теленгиты, по некоторым сведениям, сжигали их в доме родителей или относили в укромное место. Впервые такую стрижку они проводили приблизительно в возрасте одного года.

Тай, срезав прядь с головы племянника, забирал ее себе. Когда ребенку исполнялось три года, мать отвозила его к своему брату. Племянник ехал «выкупать волосы». Тай делал ответный подарок. Этот обмен закреплял отношения двух сторон. Трехлетний ребенок получал своего рода официальное признание. Он приобщался к роду своей матери. Понятно, что важнейшей фигурой в этом процессе был брат матери: «через него устанавливались отношения с чужим родом»[13].

По наблюдениям Я. Д. Коблова, первой стрижке волос младенца татары придавали серьезное значение. Происходил этот обряд в разное время — через две недели, через месяц, иногда и позже. Снятые с головы волосы взвешивали и по этому весу определяли милостыню бедным. Среднего достатка люди соответственно размеру волос ребенка платили милостыню серебром, а богатые — золотом[14].

Обряды по случаю появления первого зуба, первой стрижки волос или первых шагов ребенка характерны для многих тюркских народов. Вот как они проводились, например, у узбеков Южного Хорезма: «Когда у ребенка прорезался первый зуб, устраивали праздник, на который приглашали лишь небольшой круг самых близких людей: родных, соседей (муллу не звали). Считалось, что праздник этот надо устраивать обязательно, тогда у ребенка зубы будут быстрее и лучше прорезаться.

Праздник по случаю первой стрижки волос ребенка совершался в разные сроки, когда ребенку исполнялось от года до трех лет. В семьях малоимущих иногда вообще не устраивали такой той, зато богатые проводили его с большой пышностью, приглашали много людей. На празднике обычно присутствовали старики, родные и соседи с семьями, мулла и парикмахер, который, срезая у ребенка волосы, оставлял у мальчика на темени один пучок. Девочке также состригали все волосы, оставляя на макушке по обе стороны темени две пряди. Парикмахер за работу получал рубаху (или отрез ткани на нее), деньги в платке, лепешки.

Срезанные волосы отдавали матери ребенка, которая их прятала. Часто срезанные волосы завертывали в кусок ткани и, сделав из них обереги — тумар, пришивали последние к шапочке ребенка или к его одежде на спину. В некоторых районах существовал и такой интересный обычай: сделанный из волос мальчика, срезанных на тое,

тумар мать хранила в сундуке до свадьбы сына, а потом передавала его жене сына, и та подвешивала его на цепочке себе на шею.

Мулла, приглашенный на соч-той, читал молитву. Иногда не парикмахер, а мулла срезал немного волос у ребенка, которые мать его затем прятала в сундук или в какую-нибудь щель в стене. По существовавшим поверьям, выбросить или потерять первые срезанные у ребенка волосы было опасно: во-первых, потому что их могли разнести по своим гнездам птицы и тогда якобы у ребенка будет всю жизнь болеть голова; во-вторых, если птицы их расклюют, ребенок может облысеть.

После первой стрижки волосы ребенка продолжали время от времени срезать сами родители, однако они не трогали оставленных на соч-той пучков волос. Девочке стригли волосы лет до 5-6, затем прекращали. Мальчику 5-7 лет пучок волос, оставленный на соч-тое, состригали на суннат-тое — празднике по случаю обрезания, связанном генетически с переходом мальчика в другую возрастную группу.

Когда ребенок начинал ходить, его родители устраивали праздник аяк-той (праздник ноги), на котором ребенка одевает уже его мать. На аяк-той приглашали обычно только соседей и родственников, угощали пловом и шурвой»[15].

Прорезывание первого зуба у ребенка считалось радостным событием и у темниковских мишарей. Первого, кто замечал появление у ребенка зуба, родители награждали небольшим подарком[16].

Важное значение придавалась у тюркских народов такому обряду, как обрезание. Вот как описывал этот обряд К. Фукс: «После трех или пяти лет совершают обрезание. Татары по предрассудку полагают, что в четное число, как, например, в четыре года, в шесть лет, ребенок обрезанный должен умереть. Обрезание совершается одним из избранных для этого муллою, которому платят за обряд всякой, что может более: дают по 50 рублей, иные по золотому и так далее. При обрезании читается сура какая-либо из Алкорана»[17].

Значение совершения этого обряда для татар подчеркивал в своем сочинении Я. Д. Коблов: «Обрезание совершается в разное время — с 1 года и до пяти лет. Операцию эту редко производят муллы, большею частью этим делом занимаются особые специалисты, которые носят название “бабай” (дедушка) и переходят для совершения обрезания из одной деревни в другую. Иногда в деревне дети остаются необрезанными до тех пор, пока не придет означенный “бабай”. За труды ему платят в деревнях коп[еек] 20-40, да, кроме того, дают мясо или курицу и непременно каравай хлеба и соли, чтобы новообрезанный был человеком хлебосольным; в городах богатые люди совершителю обрезания, разумеется, платят больше.

Нужно сказать, что должность “бабая” в некоторых местностях передается наследственно, занимаются этим делом с разрешения прежнего “бабая”. Даже к врачам из магометан татары относятся недоверчиво, если врач не получил право на совершение этой операции от “бабая”, и есть примеры, когда врачи действительно обращались за разрешением к “бабаям”. В Казанской губернии есть деревня Масра, жители которой почти поголовно издавна занимаются совершением обрезания. По совершении обряда обрезания ребенок становится действительным членом магометанского общества. Хотя обрезание не имеет догматического значения — это только суннят, т. е. заповедь, исполнение которой предоставлено произволу каждого, но этот обряд настолько распространен среди магометан, что необрезанный в глазах магометанского общества не есть настоящий магометанин, хотя бы он и исповедовал догматы ислама. Только обрезанный по достижении совершеннолетия может исполнять наравне с другими все религиозные обряды магометанской общины в качестве равноправного члена ее»[18].

Аналогично проводился этот обряд у других тюркских народов. Некоторое расхождение наблюдается лишь в сроках его проведения. Например, у сибирских татар это событие происходило у мальчиков в возрасте от 5 до 7 лет. Обряд совершали «“бродячие специалисты”, получая за свой труд телку, овцу или деньги. После обрезания родственники делали мальчику подарки по

своим материальным возможностям. У постели мальчика ставили поднос, на который пришедшие гости клали мелкие деньги, сладости»[19].

У татар-мишарей обрезание производили на третьем году жизни. В этот день гости поздравляли мальчика с обрезанием и вручали ему подарки. Если мальчик был первым внуком, то дедушка дарил ему по этому случаю барана или жеребенка. Родственники и близкие, кроме подарков, приносили и бузу[20].

«Обрезание у красноярских ногайцев производится ребятам не старше семилетнего возраста. Операцию обрезания производит специалист по этой части (бава), при ней всегда присутствует человек 5-6 женщин. Ребенка сажают на постель и занимают его разными гостинцами или игрушками, потом накрывают его голову платком, и бава быстро исполняет свое дело. Отрезанный кусок тела сжигают тотчас же, золой от него присыпается рана ребенка, но только не того, над которым производилась операция, а следующего за ним; его же рана присыпается золой от ребенка, ему предшествовавшего. После того родственники отца обрезанного ребенка, собравшиеся к нему на суннат-туй, поздравляют его и начинается угощение и скачки. Тот хозяин, у которого в доме бывает обрезание, должен дать приз на скачки, и приз бывает хороший: иногда дают быка или лошадь. Приз этот называется “бангэ”. Праздник суннат-туй считается преимущественно стариковским, и старики тогда часто перепиваются до пьяна кумысом»[21].

Как видим, обряды, связанные с рождением ребенка, у тюркских народов во многом схожи и различаются лишь отдельными элементами. Их история насчитывает не одно столетие. Однако они настолько оказались живучими, что многие из них сохранились, пусть и в несколько модернизированном виде, до наших дней.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Валеев Ф. Т. Сибирские татары. – Казань, 1992. – С. 144-147.
2. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань, 1991. – С. 84-85; Коблов Я. Д. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан // Известия Общества археологии истории и этнографии. – Казань. – 1909. – Т. XXIV. – Вып. 6. – С. 522-528.
3. Уразманова Р. К. Современные обряды татарского народа. – Казань, 1984. – С. 106-109.
4. Фирштейн Л. Л. О некоторых обычаях и поверьях, связанных с рождением и воспитанием ребенка у узбеков Южного Хорезма // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1978. – С. 189-205.
5. Уразманова Р. К. Указ. соч. – С. 106-109.
6. Акбулатов И. М., Булгаков Р. М. Праздники в исламе. Религиозные и народные праздники башкир. – Уфа, 1992. – С. 41.
7. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Сост. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. – Новосибирск, 1989. – С. 159-160.
8. Уразманова Р. К. Указ. соч. – С. 106-109.
9. Фукс К. Указ. соч. – С. 84-85.
10. Коблов Я. Д. Указ. соч. – С. 522-528.
11. Валеев Ф. Т. Указ. соч. – С. 144-147.
12. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. – М., 1972. – С. 174-177.
13. Традиционное мировоззрение тюрков... – С. 168-174.
14. Коблов Я. Д. Указ. соч. – С. 522-528.
15. Фирштейн Л. Л. Указ. соч. – С. 189-205.
16. Мухамедова Р. Г. Указ. соч. – С. 174-177.
17. Фукс К. Указ. соч. – С. 84-85.
18. Коблов Я. Д. Указ. соч. – С. 522-528.
19. Валеев Ф. Т. Указ. соч. – С. 144-147.
20. Мухамедова Р. Г. Указ. соч. – С. 174-177.
21. Мошков В. А. Мелодии ногайских и оренбургских татар // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Казань, 1894. – Т. XII. – Вып. 1. – С. 51.

Римма Садыкова,
кандидат исторических наук,
Кадыр Сайфутдинов,
журналист